

Пролог

1128 год. Март

— Мальчик! О святые угодники!.. Миледи, только взгляните, какого чудесного малыша вы произвели на свет божий!

Однако роженица в ответ лишь отвернулась и резко закрыла лицо руками.

— Не показывай мне его, Дуода! Ради всего святого, убери поскорей! И сделай что-нибудь, чтобы он не так орал.

Последнее было очень важно: тайные роды происходили в женском монастыре и, если плач младенца привлечет внимание...

Две помогавшие женщины — пожилая матрона и молоденькая девушка — растерянно переглянулись, однако, не смея перечить госпоже, унесли младенца в угол и там принялись обмывать.

Роженица не смотрела на них — лежала, отвернувшись к стене. Ее лицо выглядело усталым, осунувшимся после долгих страданий, губы искусаны в кровь. И все же во время родовых мук она не издавала ни единого стона, ни единого крика, какой бы мог потревожить покой уединенной женской обители Святой Моники, укрывшейся среди дюн на берегу Бристольского залива. Более укромного места эта женщина — дочь короля Англии, вдова императора Германии, а ныне жена графа Джеффри Анжуйского — не могла подыскать, чтобы втайне от всех родить своего бастарда. Три месяца назад, когда последствия ее безрассудной любви к простому рыцарю уже нельзя было скрывать, она, под предлогом замаливания грехов, в обществе двух преданных женщин прибыла в этот отдаленный монастырь и поселилась в небольшом флигеле. И в своем добровольном затворничестве, прикрытом религиозным пылом, этой весенней ночью, когда шумел дождь, а рокот волн казался особенно близким, она наконец произвела на свет сына.

«В хорошее время я умудрилась родить, — подумала графиня Анжуйская, которую, впрочем, большинство подданных про-

должали величать прежним титулом — императрица. — Шум дождя, ветер, ненастье, громкий рокот прибоя. Даст Бог, никто не различил плача младенца».

Она прислушалась: ребенок уже не кричал, лишь порой попискивал. Императрица даже расслышала, как обмываемый прислужницами малыш чихнул — коротко и тихо, словно котенок. По ее устам невольно скользнула нежная улыбка. Однако она не позволила себе расслабиться.

Старшая из женщин подошла, стала обхаживать госпожу, и той пришлось напрячься, извергая послед. Теперь, кажется, все. Ей стало легче и безумно захотелось спать, но она не могла позволить себе отдыха.

— Дуода, сколько времени осталось до заутрени? Успею ли я хоть немного вздремнуть? О Небо, как я устала! А ведь надо еще выстоять службу.

— Христос с вами, госпожа! — Дуода всплеснула руками. — Слыханное ли дело, чтобы сразу после родов...

— Вам не хватит сил, миледи, — поддержала старшую молоденькая прислужница.

— Помолчи, Ивета! Я должна явиться в церковь как ни в чем не бывало, иначе эта крыса настоятельница что-нибудь заподозрит. Она и так в последнее время глаз с меня не сводит, все твердит, как я пополнела. А вы... Почему затих ребенок?

Она приподнялась на локтях, но когда улыбающаяся Дуода протянула ей туго спеленатого уснувшего младенца, сразу отпрянула.

— Я ведь велела — не показывай! Я не должна... Не смею...

Прислужницы переглянулись. Конечно, их госпожа — сильная женщина, но чтоб даже не поглядеть на свое дитя... своего первенца... пусть и незаконнорожденного.

— Вот что, Дуода, — некоторое время спустя сказала императрица, глядя в низкий свод кельи. Ее бледное лицо выражало решимость, влажные рыжеватые пряди прилипли к вискам. — Вот что, сейчас ты уложишь младенца в корзину и вынесешь через боковую калитку. До порта рукой подать, ты отправишься туда и зафрахтуешь самое быстроходное судно. Заплатишь щедро, не скупись. Велишь доставить тебя в устье Северна и далее по реке поплывешь на север, в графство Шропшир. Там, недалеко от Шрусбери, наймешь про-

водника, чтобы помог отыскать тебе манор¹ Орнейль. Это где-то на границе с Уэльсом. Там ты незаметно положишь ребенка у порога дома. Проследишь, чтобы его взяли, и уходи.

Она говорила это быстро и твердо — видимо, продумала все заранее — и прервалась, только чтобы выпить воды из протянутой Иветой чаши: после родов ее мучила жажда. Переверла дыхание и продолжила:

— Все это займет у тебя — путь туда и обратно — дней пять, наибольшее — неделю. Ты должна торопиться, так что не скупись, плати не торгуясь, только спеши. В пути ты сможешь купить молоко для ребенка на фермах. Учти, я не желаю, чтобы с ним что-то случилось, оберегай его! А когда выполнишь поручение и вернешься, я смогу наконец возвратиться к супругу... Будь он трижды проклят!

Она вновь жадно пила воду, а потом, заслышав удары колокола, вздохнула и выругалась сквозь зубы. Пора было отправляться в церковь. О Пречистая Дева, дай ей силы!

Императрица с трудом поднялась. Это была невысокая ширококостная женщина двадцати шести лет от роду; ее растрепанная каштаново-рыжая коса упала с плеча, лицо казалось бледным, но выразительным, светло-серые глаза смотрели жестко.

— Ивета, помоги мне переодеться в чистое. Все, что в крови, сожги. Пойдешь, девушка, со мной в церковь. Поддержишь, если мне сделается совсем худо.

— Но, миледи, послеродовая горячка...

— У меня ее не будет! А вот если вызнают, что я родила, тут уж ни наказания, ни позора не избежать. Драгоценный Джеффри Анжу позаботится. Чтоб дьявол живьем сожрал моего супруга!

И столько ненависти было в ее последних словах, что Ивета истово закрестилась, однако под суровым взглядом госпожи взяла себя в руки. Стянув с миледи рубаху, помогла омыться, подала белье, сорочку, теплую монашеского кроя тунику из темной шерсти. Накинула на кое-как заколотые волосы капюшон. Императрица порой морщилась, двигалась неловко и медленно, однако сама же и торопила — не опоздать бы к мессе.

¹ Манор — феодальное землевладение с усадьбой.

— А ты чего стоишь, как соляной столб?! — зашипела она на Дуоду. — Иди, пока еще не рассвело и есть шанс выйти незамеченной.

Пожилая женщина стояла у порога — уже в дорожном плаще, прижимая к груди корзину с младенцем.

— О, госпожа... неужели вы и не посмотрите на него? Такой ребеночек... Реснички длинные. Поверьте, не часто у младенчиков бывают такие реснички.

— Ступай, тебе говорят! Нет, стой!

Императрица несколько раз вздохнула, словно собираясь с духом, а потом все же приблизилась.

Дуода улыбнулась и осторожным движением приподняла покрывало, показывая маленькое красное личико уснувшего малыша. Жадно и взволнованно императрица глядела на него... Казалось, в этом небольшом свертке из полотна и кружев для нее в этот миг сосредоточилось все мироздание. Она видела выглядывавшие из-под оборки чепчика легкие как пух черные прядки, тугие щечки, крошечный ровный носик и реснички... такие длинные реснички...

— Так похож на своего отца... — пробормотала она, и предательские слезы стали пеленой застилать глаза.

«Мой малыш... В первый и, может, в последний раз вижу тебя. Это все, что я могу себе позволить».

Она смахнула слезы. Потом, поддавшись какому-то безотчетному порыву, сняла с шеи крестик — маленький, сверкающий алмазной крошкой, на тоненькой как нить цепочке — и быстро надела на дитя.

— Храни тебя Бог и все святые, мой сын.

Вот и все. Она выпрямилась.

— Делай, как я велела, Дуода. Спеши!

Колокола всё звонили. Монахини попарно двигались в церковь. Аббатиса стояла у входа, смотрела на их вереницу. Последними к шеренге примкнули императрица и ее фрейлина.

Аббатиса с подозрением окинула их взглядом.

— Одну минуту, дочь моя. Что это за звуки долетали из твоего флигеля ночью? Не ребенок ли плакал?

— Ребенок? Бог мой, матушка, у вас, кажется, начались видения, как у святой Моники. А это либо великая честь, либо безумие. Как считаете?

И императрица прошествовала в церковь, чтобы занять свое место у хоров.

Трудно передать, каких усилий стоило ей выдержать эту службу. Порой она словно впадала в беспамятство, ее покачивало, и Ивета поддерживала госпожу. Наконец раздалось долгожданное: «Идите, месса окончена». Тяжело опираясь на руку фрейлины, императрица покинула церковь. Еле доковыляв до флигеля, она рухнула на постель и тут же провалилась в глубокий сон.

Как она и сказала, послеродовой горячки у нее не случилось: проспав более двенадцати часов, императрица почувствовала себя бодрой и окрепшей.

— Что слышно? — спросила она у фрейлины.

— Все спокойно, миледи. Разве что мать настоятельница куда-то уезжала. Но уже вернулась.

Императрица не придавала этому значения. Под одеялом проводя рукой по своему животу, она ощущала, как этот предательский признак ее измены мужу наконец уменьшился, став почти плоским. Теперь все будет в порядке. А через неделю, когда Дуода вернется и отчитается о выполненном поручении, она уже полностью оправится и сможет тронуться в путь.

Потянулись дни ожидания, серые, холодные, дождливые. Даже не верилось, что уже весна, март месяц. Императрица вела привычный образ жизни, ходила в церковь на мессу, трапезничала в обществе монахинь, читала жития святых, а остальное время проводила в своем флигеле, набиралась сил, спала. Опали набухшие от молока груди, перестало кровоточить лоно — скоро она станет прежней, вернется к супругу, и никто не догадается, что, находясь на богомолье, она родила внебрачного ребенка.

Верная Ивета неотлучно находилась рядом, ухаживая за госпожой. Когда императрица спала, девушка подолгу сидела у окна, глядела на песчаные дюны, на море.

Порой Ивета видела проплывающие мимо корабли, но в основном только шум волн да крики чаек оживляли пустынные берега. Поистине чаек тут было больше, чем людей. Но в последнее время Ивета стала замечать вблизи монастыря каких-то незнакомцев: они появлялись со стороны рыбацкой деревушки, порой подходили к самой обители, исчезая за выступом монастырской стены, где

девушка уже не могла их видеть. Вначале это будило в ней любопытство: хоть какое-то разнообразие в их монотонном существовании. Но потом незнакомцы примелькались, глядеть на них стало скучно. Ах, скорей бы все окончилось! И тогда они вернутся ко двору графа Анжу, где всегда такое оживление, столько рыцарей, столько событий! Императрица наверняка наградит их с Дуодой за службу, и она, Ивета, закажет себе новое платье, будет франтить, принимать ухаживания, кокетничать.

Дуода вернулась, как и предвидела императрица, через неделю — уставшая, забрызганная грязью, в пропахшем морем и солью плаще. Покорно преклонила колени перед госпожой, облобызав ее руку.

— Говори!

— Я спешила как могла.

— Благодарю. Я щедро награжу тебя, моя Дуода.

Императрица улыбнулась, и усталое лицо служанки также осветилось улыбкой. Она еле нашла в себе силы подняться. Императрица собственноручно налила ей в кубок вина.

— Подкрепись, не помешает. А теперь я жду сообщений. Что? Разве что-то не так?

Женщина замялась.

— Видите ли, миледи, хозяина манора Орнейль не оказалось в поместье. Там вообще никого нет, только охранники, а сам дом стоит заколоченным.

— Вот как? — нахмурилась императрица. — Я опасалась чего-то подобного. Но ты молодец, что сообразила не привозить ребенка назад. Куда ты его дела?

— Я решила, что будет правильным отнести его в...

Она не договорила, как вдруг с грохотом распахнулась дверь.

— Так где же сейчас этот ублюдок, Дуода? — раздался властный мужской голос.

Испуганно вскрикнула Ивета. Императрица резко встала, глаза ее расширились.

Оглянулась и Дуода. В дверях стоял высокий парень с гневным красивым лицом. Его богатый плащ ниспадал складками с широких плеч, у горла на застежке сверкало золото.

— Не ожидала меня, Матильда?

Его молодой голос дрожал от гнева, он не сводил с императрицы глаз.

Та только коротко вздохнула. Лицо ее сразу стало жестким, решительным. В следующий миг в ее руке появился кинжал, и она стремительным сильным движением вогнала его в спину верной Дуоды, надавила на рукоять и резко выдернула клинок. Кровь брызнула фонтанчиком, усеивая красными пятнами ее руки и одежду.

Не ожидавший этого юноша отшатнулся, Ивета испуганно взвизгнула и вжалась в стену.

Дуода, с широко раскрытыми глазами, хватала ртом воздух, покачиваясь. Кое-как повернувшись, она с изумлением и ужасом взглянула на госпожу.

— За что, миледи?..

— Прости, Дуода, — невозмутимо ответила Матильда, глядя, как служанка оседает и падает на пол. — Я позабочусь о твоих близких.

Глаза Дуоды были по-прежнему открыты, на губах пузырилась кровавая пена.

Ивета снова завизжала, хватаясь за щеки.

Императрица даже не повернулась в ее сторону. Наклонившись, она спокойно вытерла кинжал об одежду Дуоды, вложила его в ножны и только после этого взглянула на застывшего в дверях юношу.

— Здравствуй, Джеффри, супруг мой.

Какое-то время они глядели друг на друга. Императрица даже нашла в себе силы улыбнуться. И хотя уголки ее рта нервно подрагивали, голос звучал спокойно:

— Признаюсь, не ожидала, что ты приедешь за мной в обитель. И как это тебя впустили в женский монастырь? Ах, и настоятельница здесь? Похоже, ты ей неплохо заплатил, раз она, нарушив устав, ввела сюда мужчину.

Аббатиса испуганно выглядывала из-за плеча графа Анжу. Завидев тело служанки на полу, отступила, сотворяя крестное знамение.

Джеффри быстро шагнул в келью и захлопнул за собой дверь.

— Тебе, Матильда, удалось спрятать от меня своего пащенка, — произнес он, гневно, исподлобья глядя на супругу. — Но ты убила Дуоду и теперь сама никогда не узнаешь, где он.

— Ты тоже, — спокойно ответила его жена. — А значит, моему сыну ничего не угрожает.

— Но ты никогда не найдешь его! Он потерян для тебя!

Матильда судорожно сглотнула. В ее глазах плескалась боль. Но это было лишь мгновение слабости, а потом она сложила руки на груди и надменно вскинула подбородок.

— Пусть! Но я сохранила ему жизнь. Мой сын недосыгаем для тебя, Джеффри Анжуйский! Дуода не успела сказать, где укрыла его. И теперь даже с помощью твоих пытошников ты ничего не сможешь добиться от нее. Бедная Дуода. Она была такой преданной... Да пребудет душа ее в мире.

— Ты еще поплачь над ней! — воскликнул молодой граф с издевкой. Его красивое лицо побелело от гнева. — Я знал, что ты фурия, шлюха и обманщица. Но ты еще и убийца!

— Да. Но я еще и твоя жена перед Богом и людьми. Опозорь меня прилюдно — пятно ляжет и на твой род.

Граф подался вперед, словно хотел накинуться на нее, но сдержался.

— Будь проклят тот день и час, когда я взял тебя в жены, Матильда!

— Аминь. Воистину все демоны хохотали в аду, когда мы обменялись обетами перед алтарем. Однако напомню, что не я заставляла тебя бегать по притонам, не я требовала, чтобы ты пренебрегал мной, был груб и жесток, пока я не нашла утешения в объятиях другого.

— И об этом скоро все узнают! — осклабился граф. — Вот эта, — он ткнул пальцем в сторону забывшейся в угол фрейлины, — она моя свидетельница, которая подтвердит, что ты тайно родила ублюдка. И как бы она ни была верна тебе, она быстро заговорит, когда ее начнут рвать раскаленными щипцами. Или ты поспешишь зарезать и ее?

От ужаса Ивета начала икать. Глаза ее стали полубезумными. Матильда наконец удостоила ее взглядом.

— Поди-ка, девочка, вон. Мне надо еще кое-что сказать супругу. И ничего не бойся.

Едва за фрейлиной закрылась дверь, императрица резко повернулась к мужу.

— А теперь выслушай меня, Джеффри Анжуйский! Ты можешь ославить меня на весь свет, можешь дойти до самого Папы и потребовать развода, но ничего, кроме бесчестия и провозглашения себя рогносом, ты не добьешься. И если станешь кричать, что я родила бастарда, — я буду это отрицать. Ты разгласишь мою измену — я поведаю всем, как ты обходился со мной. А ведь ты брал в жены не просто женщину, чтобы ею помыкать. Я — единственная дочь и наследница короля Генриха Боклерка¹, моим приданым является богатейшее герцогство Нормандское и королевство Англия. Откажешься ли ты от них ради сомнительной славы рогносца? Не лги самому себе, Джеффри. Я твоя законная жена и таковой останусь — видит Бог! А ты будешь молчать обо всем, что произошло в этой обители. Даже сам проследишь, чтобы никто не приставал с распросами к Ивете.

Юный граф Джеффри с усталым видом опустился на выступ стены, провел по лицу ладонью.

— Как мы сможем дальше жить вместе, Матильда?

— Как и ранее. И теперь, когда ты убедился, что я не бесплодна, надеюсь, мы еще сумеем зачать целую дюжину сыновей. Можешь даже передать им в наследство твое нелепое прозвище — *Planta Genista*, и пусть они зовутся Плантагенеты в честь веточки дрока, какой ты так любишь украшать свой шлем на турнирах. А теперь, супруг мой, помоги мне уложить Дуоду на кровать. Она все же хорошего нормандского рода, была мне предана и не заслуживает, чтобы мы оставили ее, как собаку, на полу в луже собственной крови.

Вдвоем они подняли мертвую женщину, устроили на ложе. Матильда сама закрыла ей глаза, сложила руки на груди, поцеловала в лоб. Джеффри какое-то время смотрел на жену, потом словно очнулся.

— Твоей наглости, Матильда, нет предела! Я поймал тебя с поличным, ты обесчещена в моих глазах, но при этом еще смеешь помыкать мной.

¹ Генрих I Боклерк (1068—1135). Третий король из нормандской династии, правивший с 1100 года. Отец Матильды.

Императрица спокойно поглядела на своего мужа, который был младше ее на десять лет.

— Нормандия, — произнесла она, — и корона Англии в придачу. Граф усмехнулся.

— Допустим. И ты права, я должен буду жить с тобой. Но прослежу, чтобы ты более не смела тайно никуда уезжать, ты будешь повиноваться мне и отныне не посмеешь захлопывать передо мною двери своей опочивальни. Такова цена того, что я скрою твой позор!

Сочтя это разумным, она согласно кивнула.

— И еще. — Его душил гнев, он нервно сжимал и разжимал кулаки. — Я обо всем поведаю твоему отцу, королю Генриху, дабы он узнал, какова его хваленая дочь-императрица. И поставлю условие, чтобы он разыскал вашего любовника и прислал мне его голову.

Матильда отвернулась и негромко ответила пословицей:

— Лови, кто сможет поймать.

Джеффри, расслышав в ее голосе иронию, шумно задышал, но ответил почти спокойно:

— И запомни, Матильда. Никогда, слышишь, никогда ты ничего не узнаешь о ребенке, которого родили здесь. Ты не станешь его разыскивать, ибо за тобой будут следить мои люди и доносить обо всем. Так что, как бы ни сложилась судьба этого бастарда — будет ли он в чести, погибнет или попадет в беду, — тебе никогда не знать этого!

Матильда была сильной женщиной. Она взглянула прямо мужу в глаза.

— Я готова к этому. К тому же истинное дитя — это то, которое знаешь с рождения и растишь у своих колен.

Джеффри усмехнулся.

— Тогда утешься с тем, какое родишь от меня. Раз уж ты и впрямь не бесплодна.

Матильда молчала, и только печаль в глазах, горькая складка у губ отчасти выдавали ее истинные чувства. Джеффри не смог подавить довольную улыбку: он все же сумел задеть эту гордычку.

— Идемте, миледи. — Граф властным жестом протянул ей руку. — Мы возвращаемся домой, в Анжу. И да смилуются небеса над нашим браком.